

DOI: 10.31857/S013038640025914-3

© 2023 г. В.С. ГРУЗДИНСКАЯ, К.В. САК

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР: СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1960-е годы

Груздинская Виктория Сергеевна – доцент, старший научный сотрудник, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219342307; *ORCID:* 0000-0002-9533-9861; *Researcher ID:* B-7752-2019

Сак Ксения Васильевна – доцент, старший научный сотрудник, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ksenia.sak@gmail.com

Scopus Author ID: 57918227500; *ORCID:* 0000-0003-3029-9464; *Researcher ID:* AHE-8380-2022

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

Аннотация. В статье рассматривается история создания и первые годы деятельности комиссии историков СССР и ЧССР. Актуальность рассматриваемого сюжета обусловлена, с одной стороны, возрастающим в отечественной и мировой историографии интересом к проблеме складывания и функционирования «социалистической науки», а с другой – связана с изучением методов и средств, с помощью которых советское руководство реагировало на либерализацию политического режима в Чехословакии, а также поиска способов влияния на ее интеллектуальную элиту. Авторы статьи впервые вводят в научный оборот документы из архивных коллекций РГАНИ, Архива РАН, а также Архива Венгерской академии наук. Кроме того, в работе используются источники личного происхождения, дополняющие официальные партийные документы любопытными живыми зарисовками. На основе названных источников авторы строят исследование в двух регистрах. С одной стороны, рассматриваются стратегии советского партийного руководства в выстраивании научных коммуникаций с историками из ЧССР, а с другой – предпринимается попытка воссоздать диалог между историками – участниками двусторонней комиссии, увидеть его специфику и трудности. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что создание комиссии было политико-идеологическим проектом; именно это обстоятельство обусловило и состав ее советской части, и выбранные темы совместного изучения. Комиссия была создана слишком поздно, чтобы стать эффективным инструментом поддержания престижа и авторитета Советского Союза даже в среде чехословацких интеллектуалов, не говоря уже о широких слоях населения, среди которых все более усиливались антисоветские настроения.

Ключевые слова: СССР, ЧССР, научные связи, комиссии историков, социалистические страны, историческая наука, научная коммуникации, Отдел науки ЦК КПСС, Пражская весна.

V.S. Gruzinskaya, K.V. Sak

The USSR – Czechoslovakia Commission of Historians: Particularities of Creation and Activities in the 1960s

Victoria Gruzinskaya, First Moscow State Medical University by Sechenov (Sechenov University); Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vik11910314@yandex.ru

Scopus Author ID: 57219342307; ORCID: 0000-0002-9533-9861; Researcher ID: B-7752-2019

Kseniya Sak, First Moscow State Medical University named after Sechenov (Sechenov University); Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ksenia.sak@gmail.com

Scopus Author ID: 57918227500; ORCID: 0000-0003-3029-9464; Researcher ID: AHE-8380-2022

The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation, project № 20-78-10053 “Soviet-Czechoslovak scientific communications in 1948–1991: transfer of ideas and social practices of scientists”.

Abstract. In the article, the authors examine the history of the establishment and early years of the USSR – Czechoslovakia Commission of Historians. The relevance of the subject in question is conditioned, on the one hand, by the growing interest in the problem of the formation and functioning of “socialist science” in Russian and international historiography and, on the other hand, by the study of the methods and instruments by which the Soviet leadership reacted to the liberalisation of the political regime in Czechoslovakia and the search for ways to influence its intellectual elite. The authors draw on the archive collections of the Russian State Archive of Contemporary History, the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Archive of the Hungarian Academy of Sciences. In addition, they draw on sources of personal origin, contrasting official party documents with curious evaluative sketches. On the basis of these sources, the authors construct a study in two dimensions. The authors conclude that the creation of the commission was a political and ideological project, a circumstance which determined both the composition of the Soviet section of the institution and the topics chosen for joint studies. The Commission was established far too late to become an effective instrument for maintaining the prestige and authority of the Soviet Union even among Czechoslovak intellectuals, let alone the population at large.

Keywords: USSR, Czechoslovakia, academic relations, commissions of historians, socialist countries, historical scholarship, academic communication, Science Department of the CPSU Central Committee, Prague Spring.

В условиях холодной войны советское руководство активно прибегало к использованию «мягкой силы» и выстраиванию неформальных коммуникаций с различными общественными структурами иностранных государств. Особенно актуально это было в отношении стран социалистического блока. Участие в двусторонних и многосторонних комиссиях, во главе которых неизменно находился СССР, служило средством создания общей материальной и интеллектуальной инфраструктуры не только в политике и экономике, но и в различных сферах общественной жизни социалистических стран. Коммуникации акторов «культурной дипломатии» с иностранными коллегами давали возможность советскому руководству пропагандировать советские ценности, а также оказывать влияние на общественное мнение стран народной демократии.

С середины 1950-х годов важной составляющей соперничества с Западом стала борьба за первенство в области науки. Особое значение в этих условиях приобретал конструкт «социалистической науки» и лежавшие в его основе коммуникации в сфере науки

и образования¹. Они давали широкий спектр возможностей как для трансфера технологий, так и для создания базы из лояльно настроенной к СССР интеллектуальной элиты, способной влиять на общественное мнение в своих странах. Изучение и конструирование общего прошлого, формирование и трансляция исторической памяти о нем также стали важным направлением складывания «социалистического единства». Этот процесс в том числе осуществлялся посредством деятельности двусторонних комиссий историков. В 1950-е годы такие объединения связывали между собой ученых из Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии и Румынии. Примечательно, что до второй половины 1960-х годов советские историки на уровне комиссии сотрудничали только с исследователями из ГДР², хотя польские, венгерские и чехословацкие коллеги обращались к советским ученым с предложениями создать двусторонние комиссии. Так, в мае 1959 г. на совместном совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР, где обсуждался сборник документов о польском восстании 1863–1864 гг., Леон Гросфельд (1911–1987) высказался о необходимости подобного сотрудничества. Он подчеркнул: «На данный момент существуют польско-австрийская и польско-чехословацкая комиссии историков. Отсутствие польско-советской комиссии историков является политически неправильным»³. С этой инициативой обратились в Отдел науки ЦК КПСС, резолюция которого была следующей: «По договоренности с Отделением исторических наук АН СССР (тов. [Е.М.] Жуков и И.А. Хренов) вопрос снят с рассмотрения»⁴.

В том же 1959 г. историки из Венгерской академии наук обратились к советским коллегам с предложением образовать двустороннюю комиссию. И эта инициатива не нашла поддержки в Советском Союзе. В ответном письме, подписанном вице-президентом АН СССР А.В. Топчиевым, сообщалось: «По мнению Президиума АН СССР, вряд ли целесообразно создавать такую комиссию. Наши историки считают, что функции, которые могла бы выполнять такая комиссия, с успехом могут осуществляться с нашей стороны Институтом истории Академии наук СССР»⁵.

Свою заинтересованность в совместной комиссии озвучили и чехословацкие историки. В частности, об этом факте упоминается в докладной записке председателя Комитета по печати при Совете Министров СССР Н.А. Михайлова от 21 марта 1966 г., подготовленной по материалам его поездки в Чехословакию. В документе указывалось на проект директора Института истории в Братиславе Л. Голотика: «У нас существуют общества чехословацко-венгерских историков, чехословацко-румынских историков и т.д. Пять лет тому назад мы послали в Москву в Институт славяноведения Академии наук СССР предложения об организации общества чехословацко-советских историков, но до сих пор не получили ответа»⁶.

Во второй половине 1960-х годов идея образования комиссий историков СССР и Венгрии, Чехословакии, Польши вновь оказалась на повестке дня. На этот раз дело завершилось созданием двусторонних объединений. Несмотря на важность изучения каждой

¹ *Нагорная О.С.* Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3. С. 22–30.

² *Гинцберг Л.И.* Опыт взаимодействия историков СССР – ГДР в 50–80-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 152–163; *Расчесова М.В.* Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.

³ Цит. по: *Шумский Я.* К вопросу о создании Комиссии историков ПНР и СССР // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров М., 2017. С. 34.

⁴ Цит. по: Там же. С. 40.

⁵ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1536. Л. 7.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 234. Л. 30–31.

из этих комиссий и еще бóльшую значимость рассмотрения их в сравнении, внимание авторов данной статьи привлекла советско-чехословацкая комиссия историков. Прежде всего интерес вызывает социально-культурный и политический контекст первых лет ее существования: крутой поворот от либерализации правящего режима в 1960-е годы и Пражской весны к вводу танков государств — членов ОВД в Чехословакию в августе 1968 г. Все это ставит перед исследователями немало вопросов: каковы были причины и условия создания комиссии? Кто входил в состав двустороннего объединения с советской и чехословацкой стороны? Какие темы и почему были избраны в качестве «стержневых» для совместного изучения?

В литературе деятельность советско-чехословацкой комиссии освещена в обобщающем труде ее секретаря историка-слависта В.В. Марьиной⁷. Особую ценность данной работы составляют воспоминания, личные оценки и наблюдения автора. Однако привлечение более широкого круга источников, в первую очередь документов аппарата ЦК КПСС и Отдела науки ЦК, Архива РАН, позволяют прояснить стратегии советского руководства в выстраивании научных коммуникаций с Чехословакией, с одной стороны, и особенности диалога между учеными в рамках комиссии — с другой.

Советский Союз начал выстраивать двусторонние отношения с Чехословакией в области науки уже в первые послевоенные годы. Так, 12 апреля 1946 г. было подписано Советско-чехословацкое соглашение «О научно-техническом сотрудничестве» в рамках созданного в том же году Совета экономической взаимопомощи. Однако на качественно новый этап сотрудничество СССР с европейскими странами «народной демократии» перешло после создания в мае 1955 г. Организации Варшавского договора. Оно предусматривало среди прочего взаимодействие соцстран и в сфере культуры, при этом провозглашалось выстраивание сотрудничества на принципах взаимного уважения и независимости сторон⁸.

В следующем году СССР подписал ряд двусторонних соглашений о культурном сотрудничестве с социалистическими странами. Соответствующее соглашение с Чехословакией было оформлено в мае 1956 г., причем в его основу легли предложения чехословацкой стороны. Помимо взаимодействия стран в области культуры, предусматривалось и создание научного канала коммуникаций: «Сотрудничество академий, научных учреждений и высших учебных заведений, обмен и сотрудничество ученых и работников высших учебных заведений, их взаимные связи и участие на конгрессах, заседаниях и конференциях, состоящих в другой стране», а также «непосредственное сотрудничество научных учреждений и высших учебных заведений при решении научно-исследовательских задач»⁹. План ближайших мероприятий, утвержденный в октябре 1956 г., предусматривал приглашение из Чехословакии по линии Академии наук ученых для чтения лекций и обмена опытом. Также планировалось командировать известного музыковеда, доктора искусствоведения И.Ф. Белзу для сбора архивных материалов по теме «История музыкальной культуры Чехии»¹⁰. Согласно отчету Института славяноведения АН СССР за 1956 г., Чехословакию с научными целями посетило пять сотрудников: заведующий сектором славянского литературоведения С.В. Никольский, младшие научные сотрудники, историки В.В. Марьица и А.И. Виноградова, научные сотрудники, авторы «Истории Чехословакии» И.Н. Мельникова и С.И. Прасолов¹¹. Министерство высшего образования СССР также планировало отправить в Чехословакию группу из 12 преподавателей вузов.

⁷ *Марьица В.В.* Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х — 80-е годы XX века). М., 2014.

⁸ *Быстрова Н.Е.* К истории создания организации Варшавского договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 214–224.

⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 73. Л. 166.

¹⁰ В 1959 г. вышел первый том его книги «История чешской музыкальной культуры» (М., 1959).

¹¹ Архив РАН (далее — АРАН). Ф. 1965. Оп. 1. Д. 175. Л. 2–3.

В следующие годы научное сотрудничество между странами расширяется. Так, 27 января 1957 г. в Москве была подписана Совместная советско-чехословацкая декларация, в которой «стороны отметили с удовлетворением все более развивающееся и крепнущее сотрудничество между Советским Союзом и Чехословакией в области культуры», которому содействовали Соглашение и Протокол о культурных связях между Советским Союзом и Чехословакией¹². С 1962 г. взаимодействие осуществлялось в рамках многостороннего Совещания представителей академий наук социалистических стран — в Варшаве прошла их первая встреча. В его работе приняли участие также ученые Болгарии, ГДР, Демократической Республики Вьетнам, Монголии, Румынии и Чехословакии. Они определили основной круг общих научных проблем, в рамках которого выстраивались научные связи: наблюдение искусственных спутников Земли, научные вопросы вычислительной техники, исследование полупроводников, высокомолекулярные соединения, физика сплошных сред, химия природных и физиологически активных соединений. Перечень завершала единственная гуманитарная тема, которая касалась совместного изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции. Многостороннее сотрудничество академий наук стран Восточного блока включало в себя совместные исследования ученых, координацию исследований, обмен информацией и научной литературой, организацию конференций, летних школ, а также «использование других путей подготовки и совершенствования научных кадров»¹³.

В глобальном смысле целью объединения ученых являлось создание конкурентоспособной базы социалистической науки в ответ на вызовы капиталистического мира. Как говорилось в одном из протоколов, «совещание решило и впредь твердо поддерживать все мероприятия, направленные против дискриминационных действий отдельных капиталистических стран по отношению к ученым социалистических стран»¹⁴. Вместе с тем в отчете за 1964 г. справедливо отмечалось, что если в сфере технических наук сотрудничество проходило в полном объеме, то в сфере общественных наук дела обстояли хуже¹⁵.

И это тем более примечательно, что, например, чехословацкие историки не просто были готовы к более тесному взаимодействию, они сами предлагали разные варианты сотрудничества, в том числе создание специальной комиссии. Необходимые условия для того уже обозначились: в чехословацкой науке к этому времени уже выросли «марксистские кадры», а в советской — специалисты по чешской и словацкой истории¹⁶. К тому же у исследователей из двух стран накопился опыт совместных проектов: публикация трудов, перекрестные экспертизы и рецензирование, стажировки и обмены, организация научных встреч и скоординированное участие в международных конгрессах.

Однако потребовалось почти десять лет для рождения комиссии советских и чехословацких историков. Непосредственной предпосылкой к ее созданию стало подписание 23 апреля 1966 г. соглашения о советско-чехословацком культурном и научном сотрудничестве. К этому времени внутри аппарата ЦК КПСС сложилось определенное видение положения гуманитарных наук в Чехословакии, которое рассматривалось в контексте идеологической работы в социалистических странах.

Особое внимание этому вопросу уделял Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, возглавлявшийся в это время Ю.В. Андроповым. Так, в документах отдела за 1966 г. подробно рассматривалось отношение населения

¹² Совместная Советско-Чехословацкая Декларация. Москва. 29 января 1957 года // Правда. 30.1.1957.

¹³ *Скрябин Г.К., Ораевский П.С.* 10 лет многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. № 3. 1972. С. 66–72.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 38. Л. 143.

¹⁵ *Киселев И.Н.* Краткое сообщение // Вестник АН СССР. 1964. № 7. С. 98–99.

¹⁶ О взаимодействии историков из СССР и ЧСР в начале 1950-х годов см.: *Груздинская В.С.* В пространстве социалистической науки: обсуждение чехословацкого учебника по истории (1953 г.) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (дата обращения: 27.04.2022).

Чехословакии, особенно молодежи, к Советскому Союзу и выделены те области культуры и науки, которые имели влияние на состояние идеологической работы в ЧССР. В этой связи составители отчетов и справок отдельно отмечали допускавшиеся чехословацкими историками отклонения от генеральной линии советской историографии в освещении двух ключевых периодов советской истории – Октябрьской революции и Второй мировой войны. Столь пристальное внимание к данным историческим событиям, полагаем, было связано с тем, что они служили своего рода легитимацией и коммунистического режима по советскому образцу, и ведущей роли СССР внутри социалистической системы.

Советские партийные функционеры из ЦК КПСС подвергли критике посвященные Октябрьской революции труды Института истории Чехословацкой академии наук (ЧАН) и Высшей партийной школы при ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Чехословацкие историки обвинялись в излишнем внимании (а возможно, и симпатии?) к троцкизму, что, к слову, проявилось в ряде исследований, написанных в духе критики культа личности И.В. Сталина. Так, сотрудники отдела обратили внимание на переизданную в 1966 г. в Праге книгу одного из основателей чехословацкой компартии Б. Шмерала «Правда о Советской России». В этом издании были опубликованы портреты Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина и других «опальных» большевиков, а также их совместные снимки с В.И. Лениным. Кроме того, в материалах отдела отмечалось, что ректор чехословацкой Высшей партийной школы М. Гюбла утверждал в своей статье: «Чехословацкие коммунисты, защищавшие в 30-х годах СССР и боровшиеся против троцкизма, были не правы (так [как] они тем самым якобы поддерживали культ личности Сталина), а правы те, кто критиковал в то время политику ВКП(б) и СССР»¹⁷.

Особое недовольство в Отделе ЦК КПСС вызвало творчество историка М. Реймана, будущего активного участника Пражской весны. Во время Второй мировой войны он находился в эвакуации в СССР. Известно, что вместе с родителями жил в Москве и что его мать сотрудничала с чехословацким журналистом, членом КПЧ и будущим героем Сопротивления Я. Швермой. В 1949–1954 гг. М. Рейман учился на историческом факультете МГУ, по окончании которого вернулся в Чехословакию и работал в Высшей партийной школе, Институте истории КПЧ¹⁸. Казалось бы, специалисту с такой подготовкой суждено стать активным игроком просоветского идеологического фронта в Чехословакии, проводником «прогрессивных» взглядов, однако, как показали дальнейшие события, обучение в советских университетах вовсе не гарантировало беспрекословного следования указаниям КПСС. За что критиковали М. Реймана в Советском Союзе? В одной из своих статей, опубликованной на страницах журнала по истории КПЧ¹⁹, он «популяризирует троцкистские взгляды», утверждая, будто «в Октябрьской революции было несколько вождей, что между В.И. Лениным и ЦК партии большевиков постоянно возникали противоречия»²⁰. Исключительное внимание советской стороны к этой работе, возможно, объясняется пресечением автором допустимых пределов исследовательской свободы. Он не побоялся взглянуть на историю революции 1917 г. под новым углом. В 1968 г. его двухтомная монография «Русская революция, 23 февраля – 25 октября 1917 г.»²¹ вышла в Москве на русском языке. К слову, в это же время советские историки, представители

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 111. Д. 532. Л. 29, 30.

¹⁸ М. Рейман во время Пражской весны 1968 г. входил в состав реформаторской группы Й. Смирковского, назначенного в апреле 1968 г. председателем Национального собрания, и участвовал в разработке «Программы действия» КПЧ. См.: Reiman Michal // URL: <https://www.memoryofnations.eu/en/reiman-michal-1930> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁹ Reiman M. K otázce přípravy říjnového ozbrojeného povstání v Petrohradě v r. 1917 // Příspěvky k dějinám KSČ: Časopis pro dějiny KSČ a mezinárodního dělnického a komunistického hnutí. 1965–1966. Č. 6, S. 898–929.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 111. Д. 532. Л. 22.

²¹ Reiman M. Ruská revoluce: 23. únor – 25. říjen 1917. Praha, 1967; Reiman M. Русская революция. 23 февраля – 25 октября 1917 г. Прага, 1968.

так называемого «нового направления», предпринимают аналогичные попытки исследования революции, которые вызывают опасения в партии и завершаются разгромом в 1968 г. Института истории АН СССР.

Не меньшую тревогу советских партийных деятелей Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран вызвали данные чехословацкими историками интерпретации места и роли СССР и ВКП(б) во Второй мировой войне. В частности, критике подверглась глава «Война и народ» в обобщающем труде «История СССР», подготовленном Институтом истории социалистических стран ЧАИ. Примечательно, что двухтомник был направлен чехословацкой стороной на рецензирование в Институт славяноведения АН СССР. Однако перевод всего текста на русский язык задерживался, и к середине 1966 г. была готова только часть, посвященная Второй мировой войне. В этой главе не только основные события излагались «скорее с позиции буржуазной, чем марксистской историографии», но и содержались «утверждения, оскорбительные для советских людей»²². Как следует из справки Отдела науки ЦК КПСС «О некоторых отрицательных тенденциях в идеологической жизни Чехословакии и в отношении к Советскому Союзу», в этом издании предпринималась попытка пересмотреть отношения между двумя странами в межвоенный период. Был представлен и иной, отличный от господствующего в советской историографии, взгляд на пакт Молотова – Риббентропа: данный документ рассматривался в контексте «раздела сфер влияния». При этом авторы не делали принципиальных различий между «гегемонизмом» И.В. Сталина, У. Черчилля и А. Гитлера. Преувеличивалась, с точки зрения сотрудников Отдела ЦК, и роль западных союзников в победе над «коричневой чумой». Недовольство вызвало и то, что политические деятели межвоенной Чехословакии – Т. Масарик, Э. Бенеш и др. – были представлены в издании в позитивном ключе. Отметим советские критики и недостаточно подробную прорисовку роли советских партизан и Красной армии в изображении Словацкого национального восстания 1944 г. В конце концов, составители справки вынесли неутешительный вердикт: «Авторы книги чрезмерно акцентируют внимание на перечислении ошибок, просчетов советского командования в первый период войны... Даже о роли советских вооруженных сил в освобождении Чехословакии говорится лишь в связи с Дукельской операцией, которая, по словам авторов книги, закончилась неудачно. Не с дружеских позиций авторы подходят к освещению таких вопросов, как определение восточных границ Польши, переговоры с Черчиллем в октябре 1944 г. ... В книге переоценивается помощь союзников, особенно Америки. Авторы пишут, например, [что] «советские солдаты ходили в американских ботинках, носили сукно американского производства и ели американские консервы»»²³.

Взгляды чехословацких историков транслировались в средствах массовой информации и в сфере искусства. Так, на выставке Ассоциации художников посетители могли видеть картину Б. Длоугого «Объект 1962–1966», представлявшую собой доску с прибитым мусором, в центре которого располагался портрет В.И. Ленина. В то же время на Карловском кинофестивале 1966 г. одну из главных премий получил фильм «Карета на Вену» (Kocár do Vídně, 1966, режиссер К. Кахиня), в котором авторы «по существу вызывают сочувствие к гитлеровцу и изображают партизан как шайку бандитов. В фильме есть сцена, изображающая и Советскую армию как жестокую силу – несколько советских кавалеристов гонят группу немецких пленных, которые на вытянутых руках несут огромное бревно»²⁴.

Ю.В. Андропов эти и другие тревожные для советской стороны тенденции обобщил в записке, направленной в ЦК КПСС в ноябре 1966 г. Главный посыл его текста заключался в следующем: влияние Запада на чехословацкое общество возрастает, поэтому

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. III. Д. 532. Л. 23.

²³ Там же. Л. 28, 31.

²⁴ Там же. Л. 43.

Советскому Союзу необходимо предпринять эффективные контрмеры против «империалистической пропаганды». Рост антисоветских настроений объяснялся среди прочего неудовлетворительной работой «советских организаций, занимающихся пропагандистско-информационной работой и осуществлявших связи с Чехословакией в области экономики, идеологии, науки, культуры»²⁵. Эти институты, отмечал Андропов, недостаточно внимательно следят за изменениями обстановки в стране в целом и переменами в запросах населения в частности, но также они нередко остаются безучастными «к просьбам друзей»²⁶.

Поправить положение планировалось в том числе и за счет расширения и качественной трансформации сложившихся форм научного сотрудничества. По мнению партийных идеологов, это должно было пресечь антисоветские высказывания в Чехословакии²⁷. Советский историк, впоследствии один из членов советско-чехословацкой комиссии Ю.А. Поляков вспоминал, как столкнулся с такими настроениями во время своего визита в Прагу летом 1967 г. (вероятно, поездка была приурочена к первому заседанию комиссии). К нему подошел молодой человек и сказал: «Знайте, чехословенска младеж ненавидит Советский Связ»²⁸.

В справке Отдела науки ЦК, датированной, как и записка в ЦК КПСС, ноябрем 1966 г., говорилось, что советские историки не уделяют должного внимания высказываниям чехословацких коллег, которые к тому же не всегда своевременно переводятся на русский язык. Партийные бюрократы предполагали исправить ситуацию, задействовав ресурсы институтов славяноведения, истории и философии АН СССР, а также Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. К намеченному в рамках плана сотрудничества Академий наук СССР и ЧССР заседанию двусторонней комиссии по истории предлагалось подготовить переводы и рецензии на работы чехословацких историков, в которых «неправильно трактуется история СССР», а также проекты выступлений по этому поводу советских ученых. При этом рецензии и тексты выступлений институты должны были согласовать с Отделом по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Записка заканчивалась резолюцией главного партийного идеолога М.А. Суслова: «Предл[ожить] т[оваришу] Хренову²⁹ – пусть внесет в През[идиум] АН предлож[ение]»³⁰.

Как утверждает В.В. Марьина, «в атмосфере ожидания “идеологического подкопа” в недрах партаппарата ЦК КПСС и возникла, по-видимому, мысль о создании советско-чехословацкой комиссии историков»³¹. Действительно, идеологическая составляющая была первоочередной. Однако, судя по документам ЦК КПСС, которые отражают и многолетнюю заинтересованность чехословацких историков в создании подобной комиссии, и прямые указания в 1966 г. секретаря ЦК КПЧ по идеологии В. Биляка на необходимость более тесных связей в области общественных наук³², инициатива все же исходила от чехословацкой стороны. Но на этот раз она была подкреплена уже накопившимися в документах ЦК многочисленными фактами отхода чехословацких историков от «марксистских» трактовок событий XX в. и проявлением этого в публичном пространстве, что и актуализировало повестку о создании совместной комиссии. Отдельно стоит отметить личную роль в этом процессе партийного идеолога М.А. Суслова. После его одобрительной резолюции создание комиссии историков началось³³.

²⁵ Там же. Л. 58.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 59.

²⁸ Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты: воспоминания историка. М., 2011. С. 339.

²⁹ Директору института славяноведения – прим. авт.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 111. Д. 532. Л. 54.

³¹ Марьина В.В. Указ. соч. С. 10, 11.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 234. Л. 30–31.

³³ Там же. Оп. 111. Д. 532. Л. 54.

Организационное заседание комиссии состоялось в Праге с 23 по 30 мая 1967 г.³⁴ Программа встречи была насыщенной и включала в себя мероприятия разного формата: и рабочие заседания, и обед с министром просвещения, первым ректором Школы политических и экономических наук Иржи Гаеком, и фуршет у председателя Союза чехословацко-советской дружбы Зденека Фирлингера³⁵.

24 мая на открытии заседания с советской стороны присутствовали только сотрудники посольства: посол С.В. Червоненко и его советники И.И. Удальцов и С.И. Прасолов. Правда, и Удальцов, и Прасолов были профессиональными историками, учениками видного чехословацкого политического деятеля и историка Зденека Неядлы (1878–1962), поэтому факт их привлечения к созданию комиссии понятен.

Согласно партийным материалам, советские историки прибыли в Прагу лишь 29 мая на заключительное заседание комиссии. Любопытно, что запрос от Академии наук СССР в ЦК КПСС с просьбой командировать на заседание комиссии советских ученых поступил 25 мая. В записке говорилось: по приглашению чехословацких коллег в Прагу 29 мая³⁶ (т.е. в предпоследний день работы комиссии) вылетает делегация Президиума Академии наук из 10 человек во главе с заместителем директора Института истории АН СССР специалистом по новейшей истории Японии Е.М. Жуковым. Вице-президент Академии наук СССР академик А.М. Румянцев также настаивал на включении в состав делегации представителя Отдела науки ЦК КПСС, что должно было повысить статус заседания и гарантировало его соответствие «линии партии». Предложение А.М. Румянцева вполне могло вытекать из его личного опыта. В течение нескольких лет (с 1958 г.) ученый возглавлял международную редакцию издаваемого в Праге журнала «Проблемы мира и социализма» и, очевидно, прекрасно знал и атмосферу интеллектуальной жизни Чехословакии, и настроения коллег³⁷. Однако в партийной бюрократии не посчитали целесообразным делегировать своего представителя, видимо, доверяя товарищам-консултантам из посольства СССР в Праге³⁸.

Обращает на себя внимание еще одна деталь: положение о комиссии историков СССР и ЧССР было принято 26 мая, т.е. до прибытия советской делегации из Москвы. О чем это может свидетельствовать? Возможно, подписание этого документа прошло формально без обсуждения деталей. Текст положения по своему содержанию являлся типовым и рамочным: в нем зафиксированы задачи комиссии, формы и направления сотрудничества³⁹. Такой же текст мог использоваться для подписания подобных соглашений с историками других социалистических стран⁴⁰.

Приезд советских историков в Прагу в последний день заседания советско-чехословацкой комиссии позволяет предположить, что участие ученых в закладывании «фундамента» институции было номинальным, их личное присутствие носило ритуальный характер. При этом отдельный интерес представляет причина, почему советские историки прибыли на открытие комиссии лишь под конец мероприятия. Связано ли это со стремлением Отдела науки ЦК КПСС использовать ученых лишь в заключительной встрече, не допустив, таким образом, до реального обсуждения (если оно вообще имело место)?

³⁴ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 2. По другим сведениям, первое заседание состоялось с 24 по 29 мая: *Марьина В.В.* Указ. соч. С. 99.

³⁵ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 2.

³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 137–138.

³⁷ *Ковалев М.В.* «За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М. Румянцева // *Россия XXI*. 2020. № 3. С. 116–135; № 4. С. 24–45.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 41. Л. 137–138.

³⁹ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 12–14.

⁴⁰ Наша гипотеза вытекает из практики заключения двусторонних договоров по культурному и научному сотрудничеству с социалистическими странами (хотя, к сожалению, поиски текста договора о создании аналогичной комиссии с венгерскими историками, проведенные в Архиве Венгерской академии наук, не увенчались успехом). См.: *Akadémiái Levéltár*. 224. *Történettudományi Intézet*. 55. Sz.

Или причина более прозаична: вопрос о командировке затянула партийная бюрократия? Таких примеров в истории советской исторической науки известно немало⁴¹.

Итоги заключительного заседания зафиксированы в протоколе комиссии. Этот документ содержит информацию о ее составе. Так, советская часть комиссии состояла из: П.Н. Поспелова (председатель), А.М. Самсонова (заместитель председателя), П.И. Резонова (секретарь), Г.А. Белова, А.И. Недорезова, Ю.А. Полякова и Я.Б. Шмерала⁴². Их активность находила разное применение: от работы в партийных комитетах и редакциях до преподавания в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Лишь трое из названных исследователей занимались изучением чехословацкой истории, при этом их интересовал исключительно современный период (П.И. Резонов, А.И. Недорезов, Я.Б. Шмераль).

Чехословацкая часть комиссии была более представительной как в численном отношении, так и по кругу изучаемых проблем⁴³. В частности, ее председателем стал специалист по истории гуситского движения, директор Института истории ЧАН Йроушек, столкнулся с трудностями, когда попытался быть одновременно исследователем и идеологом⁴⁴. Также в состав комиссии вошли партийные историки, чьи исследовательские интересы лежали в области изучения новейшей истории Чехословакии, например директор Института истории социалистических стран ЧАН Вацлав Краль (1929–1983), Павел Рейман (1902–1976) и др.

Несмотря на пафос декларируемых речей о дружбе и внешние ее проявления, атмосфера на первом заседании, по мнению участника встречи Ю.А. Полякова, была напряженной. В мемуарах историк поведал такой курьезный случай: «Что-то носилось в воздухе, что-то назревало. На заседания комиссии приходили какие-то новые люди (приходили неофициально – заседания были открытыми, но раньше практически никто не интересовался нашими проблемами). Их и наши чешские коллеги почти не знали. Они – все молодые, главным образом из Карлова университета – вели себя развязно, не выступали с докладами, но неоднократно подавали ироничные реплики... После обеда наши корифеи [И.И.] Минц и [П.Н.] Поспелов, принявшие под кнедлики немало горячительных доз, сели в президиуме во второй ряд и довольно громко переговаривались. Один из молодых людей встал и громко попросил коллег в президиуме не мешать аудитории. Это было неслыханно. ... Все страшно удивились, в зале воцарилась тишина, только Минц с Поспеловым не сразу поняли, что происходит. Они, правда, быстро нашли выход из положения, склонив головы на грудь и задремав»⁴⁵.

На первом заседании комиссии была намечена и тематика будущих двусторонних исследований. В частности, В. Краль выступил с сообщением об издании документов и сборников статей по истории советско-чехословацких отношений⁴⁶. Это предложение поддержали все члены комиссии, назвав подготовку такого труда важным и с политической, и с научной точки зрения. Хронологический отрезок двусторонних отношений, оказавшийся в фокусе внимания комиссии, охватывал новейший период истории – с 1918 по 1945 г. При этом прицел делался на исследование мирового значения Октябрьской революции и на изучении Второй мировой войны и роли Советского Союза в освобождении Чехословакии. Таким образом, «местами памяти» (или объединяющим прошлым) историков двух стран стали события, в которых главным героем являлся СССР (или Советская Россия для периода до 1922 г.). Такой подход ставил под сомнение эффективность

⁴¹ В частности, в декабре 1953 г. директор Института славяноведения АН СССР П.Н. Третьяков опоздал на конференцию в местечко Либлице близ Праги, куда съехались историки социалистических стран для обсуждения чехословацкого учебника «История ЧСР». См.: АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 60. Л. 19–25.

⁴² Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 4–7.

⁴³ Там же; *Марына В.В.* Указ. соч. С. 99–100.

⁴⁴ *Jiroušek V. Josef Macek. Mezi historií a politikou.* Praha, 2004. S. 72.

⁴⁵ *Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 340.

⁴⁶ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 7.

совместных проектов: СССР в очередной раз подчеркивал свое доминирование. Возможны ли были иные сюжеты двусторонних научных исследований? Несомненно. Более того в 1950-е годы такие проблемы уже были обозначены в исторической науке обеих стран: сравнительное изучение генезиса и кризиса феодализма и капитализма, феномена «второго закрепощения» крестьян, специфики межславянских исторических и культурных связей. Для сравнения заметим, что советско-венгерская комиссия историков на первых этапах своей работы касалась более широкого круга проблем, включавшего и сюжеты по древней истории венгров-мадьяр⁴⁷.

16 мая 1968 г. академик А.М. Румянцев отправил в ЦК КПСС официальное письмо председателя комиссии П.Н. Поспелова, в котором говорилось о предстоящем заседании, провести которое планировалось 28 мая – 3 июня в Москве⁴⁸. А.М. Румянцев также сообщал, что по просьбе чехословацких коллег изменена тема предстоящей встречи. Так, изначально историки предполагали обсуждать проблему послевоенного государственного устройства Чехословакии, конкретно – февральский переворот 1948 г., в результате которого в стране установился коммунистический режим. Теперь же было решено приурочить заседание к 50-летию образования самостоятельного Чехословацкого государства. Необходимое для таких маневров согласие от ЦК КПЧ было получено.

В условиях углублявшейся в ЧССР либерализации общества и власти новая тема оказывалась с идеологической точки зрения спорной. На что и обратил внимание в своей записке в ЦК КПСС П.Н. Поспелов. Так, историк отметил возможные попытки чехословацких коллег пересмотреть устоявшиеся в марксистской историографии оценки «характера Чехословацкой буржуазной республики» и деятельности ее первых лидеров. Далее П.Н. Поспелов обратил внимание партийных работников на повышенный интерес в чехословацком обществе к событиям полувековой давности: статьями об образовании независимой Чехословакии пестрили газеты и журналы страны⁴⁹. Вызывало опасение и то, что чехословацкие историки, несмотря на обещания, так и не представили текст доклада, который будет прочитан на заседании комиссии.

Поэтому было решено изменить сценарий встречи, разбавив ее дополнительными выступлениями советских ученых, в которых предполагалось осветить положительное влияние Октябрьской революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Также ученые из СССР планировали раскрыть «буржуазный» характер межвоенной Чехословакии, показав ее «зависимость от крупных империалистических держав» и подчеркнув «антисоветскую направленность» внешней политики страны в первые годы ее существования, в том числе участие в разгроме Венгерской Советской республики вместе с другими реакционными силами⁵⁰. П.Н. Поспелов просил разрешения освещать заседание комиссии в прессе и устроить прием в Союзе обществ дружбы с зарубежными странами, но в Отделе науки ЦК КПСС не посчитали нужным привлекать внимание общественности и отказали.

Атмосферу московского заседания комиссии отчасти передает составленная на основании письма АН СССР записка Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС «О заседании Советско-Чехословацкой комиссии историков» от 21 мая 1968 г.⁵¹ В документе

⁴⁷ Akadémiai Levéltár. 224. Történettudományi Intézet. 55. Sz.

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 155. В программе заседания, сохранившейся в личном фонде А.М. Самсонова, указаны иные даты встречи: 27 мая – 5 июня 1968 г. См.: АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237.

⁴⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 155.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 150–152.

говорилось об основном докладчике — Кареле Пихлике (1928–2001)⁵². О том самом, который вовремя не прислал тезисы своего доклада.

Московская встреча советско-чехословацкой комиссии отличалась насыщенной программой. Она включала и рабочие заседания в Институте истории АН СССР с докладами и прениями (28–31 мая 1968 г.), и культурные мероприятия с посещением Ленинграда, Суздаля и Киева (2–3 июня)⁵³, товарищеским ужином (27 мая) и коктейлем у председателя Общества советско-чехословацкой дружбы (31 мая)⁵⁴.

Состав комиссии остался прежним. Правда, председатель чехословацкой части комиссии Й. Мацек не смог приехать в Москву, и делегацию возглавил его заместитель, директор Института истории Коммунистической партии Словакии Б. Граца.

Опасения советского руководства относительно возможных выпадов чехословацких историков отчасти подтвердились: доклад К. Пихлика не соответствовал требованиям советской историографии. Как вспоминает В.В. Марьина, в своем выступлении историк «проанализировал обстановку, сложившуюся для чешского и словацкого народов в годы Первой мировой войны, но акцент сделал на роли чешской и словацкой эмиграции в создании ЧСР, разобрав концепции, программы и планы различных ее группировок»⁵⁵. Это ни для кого не стало сюрпризом: в одной из записок о заседании комиссии, направленной в ЦК КПСС, говорилось, что историк «выступает на страницах прессы ЧССР с возращениями в связи с опубликованием в газете “Советская Россия” статьи о Масарике»⁵⁶.

После доклада К. Пихлика развернулась полемика, которая, надо сказать, шла по запланированному сценарию. Так, с ответными докладами выступили В.М. Турок-Попов («Великая Октябрьская социалистическая революция и распад Австро-Венгрии»), Я.Б. Шмераль («Некоторые проблемы изучения образования чехословацкого государства»), А.Х. Клеванский («К истории переговоров о ликвидации вооруженного конфликта и нормализации советско-чехословацких отношений в 1918–1920 гг.»), И.Н. Мельникова («Образование ЧСР и Закарпатская Украина»), А.О. Чубарьян («Некоторые вопросы международных отношений в период образования Чехословацкого государства») и др.⁵⁷ Критика в адрес К. Пихлика раздавалась со всех сторон. В конце концов ему пришлось сдаться и признать решающую роль Октября в национальном освободительном движении Чехии и Словакии.

На этом инцидент был исчерпан. Следующее заседание советские и чехословацкие ученые запланировали на конец мая 1969 г. Оно должно было состояться в Чехословакии. Ученые предполагали посвятить встречу обсуждению проблемы советско-чехословацких отношений в годы Второй мировой войны⁵⁸. Однако уже в декабре 1968 г., после разрыва научных связей между странами в результате Пражской весны⁵⁹, в составленном АН

⁵² Будущий историк К. Пихлик родился в Праге в 1928 г. В 1947 г. вступил в Коммунистическую партию Чехословакии. В 1949–1953 гг. обучался истории в Карловом университете, после окончания которого был оставлен преподавателем на кафедре. В 1958 г. поступил на службу в Институт военной истории Чехословацкой академии наук, где в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию. Являлся активным сторонником А. Дубчека и проводимых им реформ. Осудил ввод войск стран Варшавского договора в ЧССР, за что уже в годы «нормализации» лишился права заниматься научной и преподавательской деятельностью.

⁵³ По другим источникам чехословацкие историки посетили только Суздаль и Владимир. См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 150.

⁵⁴ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 22–23.

⁵⁵ Марьина В.В. Указ. соч. С. 14.

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 997. Л. 151–152.

⁵⁷ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 237. Л. 19.

⁵⁸ Марьина В.В. Указ. соч. С. 15.

⁵⁹ Сак К.В. «Обязанность науки и ученых является искать правду и только правду»: переписка между Чехословацкой академией наук и Академией наук СССР в связи с событиями «Пражской весны» (1968) // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 5. М., 2022. С. 371–389.

СССР для ЦК КПСС плане мероприятий с участием ученых из социалистических стран на 1969 г. какие-либо встречи в рамках двусторонней комиссии отсутствовали. По линии исторической науки планировалось лишь проведение в Киеве симпозиума по вопросам формирования раннефеодальных славянских государств, но чехословацкие ученые в нем участия не принимали⁶⁰.

Деятельность советско-чехословацкой комиссии историков возобновилась только в 1972 г. Это была уже другая комиссия. Некоторые члены комиссии из ЧССР, видные чехословацкие историки осудили ввод войск в Чехословакию в августе 1968 г. За что были на долгие годы преданы анафеме: им запрещалось заниматься научной и педагогической деятельностью. Среди новых участников не найдется второго «хулигана», подобно Пихлику.

* * *

В заключение отметим, что создание в 1967 г. комиссии историков СССР и ЧССР преследовало главным образом политико-идеологические цели. Вместе с тем уже первое заседание в Праге и состав его участников показали наличие потенциального конфликта: для советской стороны комиссия служила инструментом презентации официальной линии историографии, а для чехословацкой — полем для острых дискуссий. Отразились в этом и различия научных традиций двух стран, усиленные общественно-политической обстановкой накануне Пражской весны. Несмотря на декларируемый паритет, все же советской стороне отводилась роль «первой скрипки» в деятельности комиссии. Однако существенного влияния данная институция не оказала на историческое сообщество Чехословакии, которое в целом все дальше и дальше отдалялось от СССР. Представляется, что виновником сложившейся ситуации стало партийное руководство СССР. Именно его политическая близорукость стала причиной, почему был упущен шанс создать двустороннюю комиссию в конце 1950-х годов, когда в чехословацком обществе в целом и его интеллектуальных кругах в частности авторитет и престиж Советского Союза были очень высоки. Партийные деятели заинтересовались комиссией в период нарастания недовольства населения Чехословакии советской системой социализма и ее идеалов. К моменту «рождения» институции этот процесс зашел так далеко, что даже на первых порах в составе комиссии с чехословацкой стороны были оппозиционные историки. «Паллиативное» создание комиссии в 1967 г. не могло оказать принципиального влияния и изменить порядок дел.

Обращает на себя внимание и демонстрация безразличия советского руководства к гуманитарной сфере в социалистических странах (в отличие, например, от сотрудничества в области технологий⁶¹). Однако, как показали события Пражской весны, роль гуманитариев в развитии и трансформации политического режима была одной из ключевых. Как отмечает О.С. Нагорная, научные связи использовались как инструмент «включения стран Восточной Европы в советское символическое и культурное пространство Советского Союза», в том числе с использованием славянских идей⁶². История создания советско-чехословацкой комиссии высвечивает другую проблему: насколько был эффективен данный инструмент.

Библиография

Быстрова Н.Е. К истории создания организации Варшавского договора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2005. № 1. С. 214–224.

Бэла И.Ф. История музыкальной культуры Чехии. М., 1959.

⁶⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 334. Л. 376.

⁶¹ См.: *Ковалев М.В.* Советско-чехословацкий трансфер: от первых послевоенных лет до Пражской весны (по материалам отчетов советских инженеров о командировках) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (дата обращения: 27.04.2022).

⁶² *Нагорная О.С.* Указ. соч. С. 24.

- Гинцберг Л.И. Опыт взаимодействия историков СССР – ГДР в 50–80-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 152–163.
- Груздинская В.С. В пространстве социалистической науки: обсуждение чехословацкого учебника по истории (1953 г.) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (дата обращения: 27.04.2022).
- Киселев И.Н. Краткое сообщение // Вестник АН СССР. 1964. № 7. С. 98–99.
- Ковалев М.В. «За укрепление мира и дружбы»: архивные материалы о международной деятельности академика А.М. Румянцева // Россия XXI. 2020. № 3. С. 116–135; № 4. С. 24–45.
- Ковалев М.В. Советско-чехословацкий трансфер: от первых послевоенных лет до Пражской весны (по материалам отчетов советских инженеров о командировках) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (дата обращения: 27.04.2022).
- Марьина В.В. Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (Конец 60-х – 80-е годы XX века). М., 2014.
- Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3 (42). С. 22–30.
- Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты: воспоминания историка. М., 2011.
- Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86.
- Рейман М. Русская революция. 23 февраля – 25 октября 1917 г. Прага, 1968.
- Сак К.В. «Обязанность науки и ученых является искать правду и только правду»: переписка между Чехословацкой академией наук и Академией наук СССР в связи с событиями «Пражской весны» (1968) // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 5. М., 2022. С. 371–389.
- Скрябин Г.К., Оравский П.С. 10 лет многостороннего сотрудничества академий наук социалистических стран // Вестник АН СССР. № 3. 1972. С. 66–72.
- Шумский Я. К вопросу о создании Комиссии историков ПНР и СССР // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши) / отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2017. С. 25–42.
- Jiroušek V. Josef Macek. Mezi historií a politikou. Praha, 2004.
- Reiman M. K otázce přípravy říjnového ozbrojeného povstání v Petrohradě v r. 1917 // Příspěvky k dějinám KSČ: Časopis pro dějiny KSČ a mezinárodního dělnického a komunistického hnutí. 1965–1966. Č. 6. S. 898–929.
- Reiman M. Ruská revoluce: 23. únor – 25. říjen 1917. Praha, 1967.

References

- Behlza I.F. Istoriya muzykal'noi kul'tury Chekhii [History of musical culture of the Czech Republic]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Bystrova N.E. K istorii sozdaniya organizatsii Varshavskogo dogovora [On the history of the creation of the Warsaw Pact organization] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2005. № 1. S. 214–224. (In Russ.)
- Gintsberg L.I. Opyt vzaimodeistviya istorikov SSSR – GDR v 50–80-e gody XX veka [Experience of Interaction between Historians of the USSR and the GDR in the 1950s–1980s] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2005. № 2. S. 152–163. (In Russ.)
- Gruzdińskaya V.S. V prostranstve socialisticheskoj nauki: obsuzhdenie chechoslovakogo uchebnika po istorii (1953 g.) [In the Space of Socialist Science: a Discussion of the Czechoslovak History Textbook (1953)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (access date: 27.04.2022). (In Russ.)
- Kiselev I.N. Kratkoe soobshchenie [Short message] // Vestnik AN SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1964. № 7. S. 98–99. (In Russ.)
- Kovalev M.V. "Za ukreplenie mira i druzhby": arkhivnye materialy o mezhdunarodnoi deyatel'nosti akademika A.M. Rumyantseva ["For the Strengthening of Peace and Friendship": Archival Materials on the International Activities of Academician A.M. Rumyantsev] // Rossiya XXI [Russia 21st]. 2020. № 3. S. 116–135; № 4. S. 24–45. (In Russ.)
- Kovalev M.V. Sovetsko-chechoslovakii transfer: ot pervykh poslevoennykh let do Prazhskoi vesny (po materialam otchetov sovetских inzhenerov o komandirovках) [Soviet-Czechoslovak Technological Transfer: from the First Post-War Years to the Prague Spring (on the Base of the Foreign Trips Reports of Soviet Engineers)] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational

Journal “History”]. 2022. Т. 13. № 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840021117-7-1/> (access date: 27.04.2022). (In Russ.)

Mar'ina V.V. Sovetsko-chechoslovatskaya komissiya istorikov. Deyatel'nost' na fone obschestvenno-politicheskikh peremennostei v SSSR i ChSSR (Konets 60-kh – 80-e gody XX veka) [Soviet-Czechoslovak Commission of Historians. Activity against the background of socio-political changes in the USSR and Czechoslovakia (Late 60s – 80s of the XX 20th century)]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Nagornaya O.S. Nauchnoe sotrudnichestvo i obrazovatel'nye kontakty v sisteme sovetsoi kul'turnoi diplomatii ehpkoi “kholodnoi voiny” (1945–1990 gg.) [Scientific Cooperation and Educational Contacts in the System of Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War Era (1945–1990)] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Perm University. History]. 2018. № 3 (42). S. 22–30. (In Russ.)

Polyakov Yu.A. Minushee. Fragmenty: vospominaniya istorika [The Past. Fragments: memoirs of a historian]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Raschesova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemetskikh i sovetsoikh istorikov. Sozdanie komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) [The origin of cooperation between German and Soviet historians. Creation of the Commission of Historians of the USSR and the GDR (1949–1961)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2014. № 5. S. 78–86. (In Russ.)

Reiman M. Russkaya revolyutsiya. 23 fevralya – 25 oktyabrya 1917 g. [Russian revolution. February 23 – October 25, 1917]. Praga, 1968. (In Russ.)

Sak K.V. “Obyazannost'yu nauki i uchenyh yavlyatsya iskat' pravdu i tol'ko pravdu”: perepiska mezhdu Chechoslovatskoi akademiei nauk i Akademiei nauk SSSR v svyazi s sobytiyami “Prazhskoi vesny” (1968) [“The duty of science and scientists is to seek the truth and only the truth”: Correspondence between the Czechoslovak Academy of Sciences and the Academy of Sciences of the USSR in connection with the events of the “Prague Spring” (1968)] // Arkhivnyi poisk: sbornik nauchnykh statei i publikatsii [Archival search: collection of scientific articles and publications]. Vol. 5. Moskva, 2022. S. 371–389. (In Russ.)

Shumskiy Ya. K voprosu o sozdanii Komissii istorikov PNR i SSSR [On the issue of creating the Commission of Historians of the PPR and the USSR] // Rossiya v pol'skoi istoriografii, Pol'sha v rossiiskoi istoriografii (k 50-letiyu Komissii istorikov Rossii i Pol'shi) [Russia in Polish historiography, Poland in Russian historiography (to the 50th anniversary of the Commission of Historians of Russia and Poland)] / otv. red. N.A. Makarov. Moskva, 2017. S. 25–42. (In Russ.)

Skryabin G.K., Oraevskiy P.S. 10 let mnogostoronnego sotrudnichestva akademiy nauk sotsialisticheskikh stran [10 years of multilateral cooperation between the academies of Sciences of the socialist countries] // Vestnik AN SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. № 3. 1972. S. 66–72. (In Russ.)

Jiroušek B. Josef Macek. Mezi historií a politikou. Praha, 2004.

Reiman M. K otázce přípravy říjnového ozbrojeného povstání v Petrohradě v r. 1917 // Příspěvky k dějinám KSČ: Časopis pro dějiny KSČ a mezinárodního dělnického a komunistického hnutí. 1965–1966. Č. 6. S. 898–929.

Reiman M. Ruská revoluce: 23. únor – 25. říjen 1917. Praha, 1967.